

„Socialisticheski Vestnik“
„Le Courrier Socialiste“
„Der Sozialistische Bote“

REVUE BIMENSUELLE

Prix en France, Belgique, Tchécoslovaquie 3 fr.
et Yougoslavie.
Preis in Deutschland und 70 Pf. (4 fr.)
sonstigen Ländern

Organe Central du Parti
Socialdémocrate Russe
141, rue Broca (bât. 11)
PARIS (13e)

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Центральный Орган Российск. Социал-Демократ. Рабочей Партии
Основан Л. МАРТОВЫМ. Выходит 2 раза в месяц.

№ 5 (385)

17-й г. издания

Подписная плата для Франции: в год 80 фр., на ½ г. — 40 фр.,
на ¼ г. — 20 фр., отд. номер — 3 фр., двойной номер — 5 фр.;
для остальных стран: на год — 100 франков, на ½ г. — 50 фр.,
на ¼ г. — 25 фр. За перем. адр. — 1 фр. Контора и ред.: 141, r. Broca,
(Square Albin Cachot, bât. 11), Paris (13e) Тел.: Port-Royal 05-25
Chèques Postaux «Le Courrier Socialiste» — 359.84 Paris
Прием по делам редакции ежедн., кроме суб. и воскр., от 11—1 ч.

11 Марта 1937 г.

Просим наших корреспондентов при написании адреса обязательно указывать: «Bâtiment 11»

СОДЕРЖАНИЕ

Передовая: Двадцатилетие революции.
Ф. Дан. Политический кризис Советского Союза.
С. Ш. Дымовая завеса.
Заметки: Ю. Попробуйте!
О. Доманевская. Два года колхозного устава.

Фельетон: Ю. О. Мартов. Парижская Коммуна (18 марта 1871 — 18 марта 1921).

Литература и Жизнь: В. Александрова. Новые встречи с ра-
бочим.
К. Лерэ. Французский горнорабочий о русских шахтерах.
По России: Письмо из Москвы: Сумерки Кагановича. — Слу-
хи о смерти Орджоникидзе. — Новый процесс на Кавказе.

20-ЛЕТИЕ РЕВОЛЮЦИИ

Когда 20 лет тому назад петербургские рабочие и ра-
ботницы выходили на улицу с требованием хлеба, нико-
му из них, конечно, и в голову не приходило, какую
новую и великую страницу не только русской, но и
мировой истории они открывают. Никто из них и пред-
ставить себе не мог, какому грандиозному преобразова-
нию шестой части земного шара кладет начало их улич-
ная демонстрация и какой полновесной гирей ляжет это
преобразование на чашу судеб всей нашей планеты.
Они не знали и не могли знать, что их движение, столь
скромное вначале и по своим размерам, и по своим це-
лям, есть тот самый маленький, но последний толчок,
который высвобождает готовые к взрыву гигантские
стихийные силы, низвергающие и воздвигающие горы,
бросающие океаны на сушу и новую твердь поднимаю-
щие из океанов, производящие геологический перево-
рот. Горе тому, кто не понимает неумержимости и все-
сокрушающего величия этих сил и ищет спасения на
старых берегах, безвозвратно погружающихся в пучи-
ну! Горе тому, кто не видит неустрашимости и стихий-
ного характера революций и хочет повернуть назад ко-
лесо истории, восстановить общественные отношения,
навек канувшие в прошлое! Только на новой, рево-
люцией созданной почве могут строить свое будущее
и свои надежды классы, группы и партии.

Русская революция 1917 года, прямая продолжа-
тельница революции 1905 года, возникла из неприми-

римого и неумержимо нараставшего противоречия меж-
ду жизненными потребностями страны и ее народных
масс и чрезмерно зажившимся самодержавным строем
и родилась в грозах и бурях мировой войны. Она с са-
мого начала несла на себе двойное бремя: бремя уна-
следованной от монархии политической, экономической,
социальной и культурной отсталости и бремя военной
и после-военной, хозяйственной и моральной разрухи.

В этом тяжелом двойном бремени — последняя при-
чина и объяснение не только тех кроваво-трагических
путей, которыми пошла революция, но и тех «больше-
вистских» форм, в которые облеклась авангардная роль
пролетариата в ней и которые, неизбежным и все обо-
строяющимся развитием своих внутренних противоре-
чий, уже столько чудовищных бедствий и страданий
принесли самим трудящимся массам и как раз теперь,
на пороге второго десятилетия, под такую угрозу ста-
вят и революцию, и ее главную движущую и руководя-
щую силу — рабочий класс.

Но за большевистскими формами революции, привел-
шими к постепенному вырождению «советской власти»
в единоличную диктатуру Сталина, не следует забы-
вать факта, имеющего мировое значение: русская ре-
волюция 1917 года оказалась первой великой револю-
цией, в которой руководящая роль принадлежала ра-
бочему классу и которая протекала и протекает по

его социально-политическими и идеологическими знаменами.

Если в такой отсталой стране, как Россия, с таким тонким слоем пролетариата и с такой еще более тонкой прослойкой сознательных и высоко-культурных «передовиков» в самом пролетариате, только в рабочем классе нашлось достаточно и политического разума, и высокого морального пафоса, и непоколебимой веры в свое дело, чтобы возглавить великую революцию, поставить ей грандиозные цели и идти к этим целям сквозь все препятствия и жертвы; и если, наоборот, у соединенной империалистической буржуазии всего мира не оказалось ни идейной, ни моральной силы, чтобы увлечь за собою народные массы и удушить — прямой военной интервенцией или помощью русской реакции — революцию, возглавляемую русским пролетариатом, — то это значит, что у буржуазии нет уже идеалов, во имя которых она могла бы становиться во главе великих народных движений; это значит, что время буржуазии и буржуазных революций проходит; это значит, что в нашу эпоху только революциями трудящихся, только социалистическими революциями могут быть великие народные революции.

В этом смысле русская революция была, есть и навеки останется великой исторической вехой. Как бы ни сложились ее собственные дальнейшие судьбы, какие бы испытания и, быть может, провалы ей еще ни предстояли, в памяти трудящихся всего мира она навсегда останется той первой великой революцией, в которой трудящимся удалось сбросить с себя иго эксплуататоров, капиталистов и помещиков, удалось на десятилетия выйти из-под их власти, удалось наложить на весь ход общественного развития печать своих стремлений и идеалов и воздвигнуть несокрушимый уже фундамент, на котором рано или поздно, но непременно вознесется к небу стройное и гармоничное здание социализма.

Ибо опять-таки: варварски-грубы, жестоки, кровавы, преступно расточительны народным достоинством и человеческими жизнями были те большевистские формы, в которых совершалось грандиозное преобразование всего экономического, социального и культурного лица страны, но самое преобразование остается фактом, и фактом уже неистребимым.

Разрушена до основания старая самодержавная машина векового угнетения; сметены старые господствующие классы и вместе с ними ушли в вечность старые нравы, старый быт, старая психология «белой» и «черной» кости. Колоссальные производительные силы страны сосредоточены в руках государства; из отсталой аграрной страны Россия стала страной, промышленность которой занимает место в первых рядах на мировой арене; из карликового и азиатски примитивного ее сельское хозяйство становится одним из самых крупных и технически наилучше оснащенных; культурный уровень ее народных масс идет вверх; на место «тюрьмы народов» созданы государственные рамки, которые могут не только обеспечить мирное сожительство и сотрудничество бесчисленных наций и племен Советского Союза, но и послужить образцом для всякого многонационального государства. Несмотря на все ошибки и преступления большевизма, который искажает и уродует многие из этих завоеваний революции, несмотря на все перипетии и попятные движения, которые еще предстоит пережить русской революции, все это в основных чертах своих останется, — останется, как прочное завоевание революции, возглавленной рабочим классом, как завоевание, ставшее возможным именно потому и только потому, что во главе революции стоял, что направление ей давал рабочий класс, что русская революция была подлинной революцией трудящихся масс.

Понятно, почему эта революция нашла такой громкий и сочувственный отклик в сердцах угнетенных и эксплуатируемых всех стран. Понятно, почему они все считают ее «своею» революцией и готовы, подчас с величайшим насилием над собственным разумом и собственным чувством, закрывать глаза на самые вопиющие преступления большевизма, лишь бы не нанести урона революции, официальной представительницей которой перед всем миром выступает большевистская диктатура. Эту страстную и в своей страстности подчас слепую привязанность пролетариев всего мира к русской революции вырождающийся большевизм слишком часто эксплуатирует в целях, идущих вразрез с интересами революции, с интересами русского и международного рабочего класса. Но в основе этой горячей привязанности лежит вполне правильное понимание того, что русская революция, и в ее большевистски-искаженном обличье, является мощным оплотом мировой пролетарской борьбы за социальное освобождение и вместе с тем мощным оплотом всеосветного мира.

Из мировой войны родилась русская революция. А теперь, в день ее 20-летия мир снова стоит на пороге новой и еще более страшной военной опасности. И если заживо разлагающийся капитализм в нерешительности и страхе останавливается перед призраком новой войны; если даже самые оголтелые, фашистские представители его медлят дать сигнал к новой мировой войне, — то потому, что перед ними, помимо неуверенности в победе, стоит, как угроза и предвестник их собственного будущего великая русская революция — первая, но, конечно, не последняя революция трудящихся. Встающая на горизонте тень социалистической революции есть единственное, что удерживает фашистско-капиталистические страны от развязывания войны. А между тем всеми методами своей борьбы за самосохранение сами эту войну накликают. И опять-таки лишь победоносная социалистическая революция может вывести человечество из того порочного круга, в котором капитализм заставляет его безнадежно биться, и сохранить мир.

Никто не может заглянуть в будущее и сказать, через какие этапы пройдет и чем кончится это бешеное состязание между войной и миром, между капитализмом и социализмом. Но с точки зрения не одного только пролетариата, но всего человечества ясно одно: русская революция не должна погибнуть, она должна быть сохранена при всяком повороте событий, как самый могучий оплот мира, как самый верный залог социалистической победы, предупреждающей войну или ликвидирующей ее, если человечеству все же будет суждено еще раз пройти через ее ужасы. И если бы надо было еще раз напомнить трудящимся всех стран об этой великой роли русской революции, то о ней внушительно напомнила бы им героическая борьба трудящихся Испании...

Но сохранить русскую революцию, как деятельный фактор и опору мира и социализма — это не значит, сложа руки, смотреть, как она бьется в рожденных ею же противоречиях. Это значит активно помогать высвобождению неиссякающих в ней творческих сил трудящихся масс из оков этих противоречий. Это значит активно содействовать осуществлению скрытых в ней и далеко еще не исчерпанных возможностей.

Демократическая ликвидация единоличной диктатуры силами и организованной самостоятельностью самих трудящихся масс — такова задача, которая стоит перед всеми социалистами на пороге третьего десятилетия русской революции. С верой в историческое и всемирное значение этой задачи, с надеждой на ее осуществление мы празднуем двадцатилетний юбилей величайшего из революционных переворотов нашей эпохи.

Ф. ДАН.

Политический кризис Советского Союза (Окончание)

2.

Появление на исторической сцене нового фактора в виде организованного рабочего движения изменило бы всю постановку политической проблемы Советского Союза. Почему и в каком смысле?

Прежде всего потому, что оно дало бы новое направление развитию «идеологии» широких слоев коммунистического молодняка, остающихся интимно связанными с трудящимися массами, из которых они выходят. Прогрессирующая стабилизация общественных отношений с каждым годом все более затрудняет этим слоям восхождение по социальной лестнице, все ступени которой до самой верхушки так легко и так быстро пробежали их счастливые предшественники за годы пятилеток. В принципе «маршальский жезл» попрежнему лежит в ранце каждого коммуниста; на деле у подавляющего большинства их с каждым днем становится все меньше шансов вынуть когда-либо из ранца и взять в руки этот жезл, все больше вероятия — не сделаться «командиром», а остаться на всю жизнь «рядовым». По свидетельству всех наблюдателей (см., напр., напечатанное у нас «письмо старого большевика») именно в этих слоях широко разливается недовольство существующим положением — смутное отражение назревающего брожения в социально-родственных им трудящихся массах. Отсутствие на политической сцене «народа» осуждает активные элементы этих слоев на поиски «бездарных» средств борьбы со всеми вытекающими отсюда и уже выше указанными политическими и идеологическими послед-

ствиями. И наоборот, выступление рабочих масс в качестве нового политического фактора советской общности немедленно же создало бы совершенно новую опору для реализации недовольства коммунистического молодняка, толкнуло бы его политическую мысль к ориентации на массовую организацию.

Таким образом движение само завоевывало бы себе нужные ему кадры организаторов и тем самым ускоряло бы свое собственное «политизирование». Более того. Оно стало бы центром притяжения для той интеллигенции, которая теперь не видит никакого выхода своим свободолюбивым стремлениям и потому подавляет их в себе. Оно создало бы таким образом вокруг себя ту атмосферу общественного сочувствия, которая необычайно облегчила бы условия его собственного дальнейшего роста. В изменившихся соответственно изменившимся обстоятельствам форм повторилось бы то, что имело место в последнем пятилетии 19-го века, когда первые-же чисто экономические, но проведенные дисциплинированно и организованно стачки рабочих не только сделали возможной уже через несколько месяцев грандиозную всеобщую забастовку петербургских текстильщиков, не только привели к весьма существенным завоеваниям и в сфере условий труда, и в сфере рабочего законодательства, но и совершенно изменили весь политический облик страны, произвели настоящий переворот в развитии политической мысли, подвели реальный, практически — политический фундамент под социалдемократию, до того существовавшую лишь в виде «идейного течения».

Ю. О. МАРТОВ.

ПАРИЖСКАЯ КОММУНА

(18 марта 1871 — 18 марта 1921).

1.

4-го сентября 1870 г. парижские рабочие бескровной демонстрацией свалили покрытую грязью империю Наполеона III, бесславно сдавшегося при Седане германскому императору. Немногочисленная буржуазная оппозиция Законодательного Корпуса — подтасованного наполеоновского парламента, — прокламировала свержение империи и основание республики и создала временное правительство из буржуазных либералов, присоединив к ним популярного среди рабочих, сочувствовавшего социализму, журналиста-демократа Рошфора.

На плечах парижских рабочих снова встали у власти представители той партии, которая уже показала себя пролетариату во время республики 1848 года, как вер-

ная защитница общих интересов всех имущих классов против классов неимущих. Но новое правительство образовалось во имя «национальной обороны», оно брало на себя отстоять страну от германской армии, подхитившей к Парижу, и добиться сносных условий мира. Поэтому, при всем недоверии к умеренным республиканцам, парижский пролетариат готов был перенести их господство. Карл Маркс, в качестве руководителя Интернационала, считал долгом социалистов поддерживать «правительство национальной обороны» и пользоваться полученной политической свободой для создания прочных классовых организаций.

Горячие головы в парижских революционных кругах тем труднее мирились с такой политикой, что вооружение парижского населения в виде «национальной гвардии» давало им в руки физическую силу, с которой легко было произвести переворот, и что классовый характер правительства Тьера и Жюль Фавра парализовал неизбежно самое дело национальной обороны. Ибо классовая подозрительность буржуазии стремилась избегать применения каких бы то ни было мер в борьбе с Германией, которые могли бы усилить революционные позиции пролетариата. Пролетарская национальная гвардия оставалась недостаточно использован-

*) От редакции. — 18 марта 1921 года в «Фрейгейт», тогдашнем берлинском органе Независимой Германской Социалдемократии, был помещен немецкий перевод статьи Ю. О. Мартова, посвященной 50-летию Парижской Коммуны. Недавно т. Николаевскому удалось разыскать русский оригинал этой статьи. Мы не можем лучше отметить вновь наступающую годовщину Коммуны, этого, по словам Маркса, прообраза пролетарской диктатуры, чем опубликовав статью нашего почившего вождя, донныне нигде на русском языке не напечатанную.

**

Но сталинская диктатура развития организованного рабочего движения «не допустит»? Ну, конечно, она постарается пустить в ход все средства репрессии, которыми располагает, чтобы задушить движение в самом зародыше: ведь, и новая, «самая демократическая в мире» конституция в праве стачек рабочим отказывает!

Но задушить движение в зародыше хотело в свое время и царское самодержавие. Ему это не удалось. Удастся ли сталинской диктатуре, которой это сделать гораздо труднее и в виду ее собственного происхождения, и в виду ее международных связей?

Конечно, розами путь возрождающегося рабочего движения усыпан не будет. Но можно с уверенностью сказать, что первая-же сколько-нибудь крупная и дисциплинированная стачка хотя бы чисто экономического характера крайне затруднит, если не сделает невозможной, кроваво-террористическую расправу с «вожаками». Одно дело — расстрелы «свождей», ставших «безнародными» и с массовым движением никак не связанных. И совсем другое дело — расстрелы «вожаков», в которых массы видят предстателей своего собственного дела, задачи и цели которых они понимают и считают «своими». Расстрелы в этом случае, если бы к ним и решились прибегнуть, не проходили бы при массовом безразличии, а то и злобном одобрении, с которым массы взирают на взаимное истребление «сановников»: они вызвали бы возмущение, оказались бы фактором, лишь стимулирующим рост массового движения и потому для тоталитарной диктатуры опасным.

Только само нарастающее массовое движение могло бы заставить тоталитарную диктатуру умерить свой репрессивный пыл, как заставило оно в свое время ослабить репрессии и самодержавный режим. Только оно могло бы пробить в «каменной стене» диктатуры ту «трещину», которой не могут пробить для него ника-

кие «герои». И только оно является поэтому самым действительным, можно сказать: единственным действительным средством борьбы против оргий террора. Само завоевывая себе кадры организаторов и атмосферу общественного сочувствия, оно только само может завоевать себе и свободу дальнейшего роста и развития. Его возникновение уже само по себе будет первым шагом к фактической демократизации режима.

**

До сих пор мы отмечали лишь те изменения во всей диспозиции политической борьбы, которые явились бы, так сказать, автоматическим последствием возрождения рабочего движения. Но возрождение это создало бы предпосылки для втягивания на путь организованной борьбы за демократию и такого решающего фактора политического развития Советского Союза, каким является крестьянство.

Само собою разумеется, и всякий «младотурецкий» переворот в наличных условиях неизбежно будет сопровождаться известными уступками, материальными «льготами» крестьянству, своего рода «кодексом Наполеона». Но эти уступки будут обращены, употребляя выражения Маркса («18 брюмера») к крестьянину, смотрящему назад, к единоличному наделу. Их задачей будет парализовать политическую активность крестьянства в момент переворота и привязать его к новому, бонапартистскому режиму. Когда наступит разочарование, когда основная масса крестьянства убедится в эфемерном и преходящем характере этих уступок, будет уже поздно: она уже будет скована новыми цепями. Крестьянин-единоличник и в Советском Союзе, как это уже не раз бывало в истории после великих потрясений, собственными руками построит фундамент его-же закабаляющей контр-революции.

В современной мировой обстановке, в стране, пережившей за 20 лет столько всяческих, в том числе и зе-

ной, ей отказывали в популярных начальниках, способных возбудить ее энтузиазм, по отношению к спекулянтам, эксплуатирующим бедствия войны, и к государственным деятелям низвергнутой империи республиканское правительство проявляло благожелательную терпимость.

Представители самого крайнего революционного течения того времени — бланкисты — сделали поэтому несколько попыток свергнуть республиканское правительство и завладеть властью посредством внезапного путша. Наиболее значительная была произведена 31 октября: на несколько часов была в Ратуше провозглашена при помощи двух батальонов власть нового правительства с Огюстом Бланки во главе. Такие же попытки с таким же неуспехом повторились в январе 1871 г., когда временное правительство, вопреки гордым обещаниям, что «Париж не будет сдан», вступило с Бисмарком в переговоры о капитуляции.

Не совсем справедливо парижские рабочие в окончательной потере войны, предпрешенной Седанским разгромом, видели вину временного правительства. Оно кончало свои дни, окруженное всеобщим презрением. Между тем выборы в Национальное Собрание, организованные для решения вопроса о мире, перемещали реальную государственную власть еще более вправо. Впервые после 20 лет получив возможность свободно голосовать на основе всеобщего избирательного права, французский крестьянин воспользовался этим правом для того, чтобы выразить одно только желание — «немедленного мира во что бы то ни стало». И так как

республиканцы и социалисты свалили Наполеона во имя национальной обороны и требовали продолжения войны до тех пор, пока Германия примет справедливый мир, то французское крестьянство и городское мещанство голосовали за всевозможные реакционные монархические и клерикальные партии, сделавшие мир своим лозунгом.

С первого дня Национальное Собрание, собравшееся в Версале, стало в открыто-враждебную позицию к Парижу, который, в течение 4 месяцев отрезанный от остальной Франции и переполненный вооруженными рабочими и революционизированными поражениями и лишениями осады солдатами, представлял кипящий котел.

Разоружение Парижа и его подчинение общим нормам управления стало боевым лозунгом буржуазной контр-революции.

Парижские массы чувствовали, что они отеснены на оборонительную позицию. Составившийся из представителей от батальонов национальной гвардии комитет и парижская федерация Интернационала одинаково старались не допустить никакого путша, никакого недуманного выступления, которое дало бы реакции желанный повод пойти на Париж.

Стремясь избежать столкновения между Парижем и Национальным Собранием, буржуазные демократы, среди которых был и Жорж Клемансо, отстаивали необходимость вернуть Парижу полноту муниципальной автономии, отнятой у него и у других больших городов бюрократической империей. Но реакционное версаль-

мельных, переворотов, здание демократии может быть воздвигнуто на фундаменте не крестьянства, смотрящего назад, а только крестьянства, смотрящего вперед; не на основе возвращения от колхоза, в свое время насильственно навязанного крестьянству, но уже вошедшего в его экономику, социологию, нравы и быт, к карликовому наделу, а только на основе прогрессивного развития принудительного колхоза в свободную крестьянскую кооперацию. Это так же несомненно, как несомненно, что не ликвидация национализированного хозяйства, не возвращение «назад к капитализму», а лишь подчинение этого хозяйства не бюрократическому, а подлинно-народному управлению и контролю может создать рабоче-промышленную основу советской демократии.

Политическая установка на раздробление крупно-колхозного хозяйства и возвращение к единоличному наделу — это крестьянская программа контрреволюции. Крестьянская программа демократии (а я уже неоднократно имел случай говорить, почему в наше время и в советских условиях другой демократии, кроме демократии трудящихся, социалистической демократии, быть не может) — это не уничтожение крупно-колхозного хозяйства, а его раскрепощение. Но дать крестьянству такую программу и создать условия для вовлечения его в политическую борьбу на почве такой программы, а вместе с тем для действительной и прочной демократизации советского режима, может опять-таки только организованное рабочее движение, сознательно выступающее в роли передового отряда «союза пролетариата и крестьянства» в решающих политических центрах страны — в городах: чтобы не отдалось пассивно в руки контрреволюции, крестьянство должно видеть внушительную массовую силу, прислоняясь к которой и рука об руку с которой оно сможет активно отстаивать свои революционные интересы. «Народный Фронт»,

мыслимый лишь под руководством рабочего класса, и в Советском Союзе является неперенным условием подлинной демократизации.

Но какими-же путями может такой «Народный Фронт», в условиях тоталитарной диктатуры, осуществить демократизацию советского режима, не ломая революционно его рамки, а эволюционно преобразуя и расширяя их? В ряде статей я уже пытался ответить на этот вопрос и указать те международные и внутренние факторы, которые делают такое преобразование исторически возможным и вероятным. Но, разумеется, предсказать в точности те конкретные пути и формы, в которых осуществится такое преобразование, никто не может. Но надо помнить одно: «эволюция» (как и демократия) отнюдь не означает политического вегетарианства. Она отнюдь не исключает и самых суровых мер репрессии против сопротивляющихся. Когда говорят об «эволюционном» преобразовании какого-либо режима, то имеют в виду лишь то, что активным фактором преобразования являются социальные силы, стоящие на почве данного режима и связанные с ним положительными узами; силы, стремящиеся не извне разрушить его, а, наоборот, изнутри развернуть все скрытые в нем экономические, социальные и политические возможности.

Как я неоднократно уже имел случай говорить, социальное происхождение советской «тоталитарной диктатуры» и того аппарата, через который она властвует, социальное слоение советского общества, международные корни и связи советской революции, — все эти факторы, так радикально отличающие советскую диктатуру от диктатуры итальянского фашизма или германского национал-социализма, создают историческую (хотя постепенно и убывающую) возможность мирного, безболезненного перехода от режима диктатуры к режиму демократии. И можно представить себе,

ское большинство отвергало всякую мысль о компромиссе: «безбожный» революционный Париж должен был, во что бы то ни стало, быть приведен в покорность и принять деспотическое управление чиновников и генералов версальского правительства.

В ночь на 18 марта военные власти сделали попытку внезапным нападением отнять у парижской национальной гвардии ее пушки. Нападение не удалось, солдаты присоединились к национальным гвардейцам и сами расстреляли своего генерала, перепуганные власти со всей крупной буржуазией покинули Париж, и национальная гвардия оказалась хозяином положения.

Единственным революционным актом, который в этом положении решился сделать «Комитет Национальной Гвардии», было назначение всеобщих выборов для избрания органа управления Парижем — парижской Коммуны. Таким образом, парижский пролетариат, не добившийся от Национального Соборания муниципального закона, сам ввел его по собственной инициативе. Все движение носило характер борьбы за свободу местного самоуправления против тенденций бюрократически-централистского государства. И радикальные политики буржуазии не скрывали своего сочувствия такой борьбе. Еще в течение некоторого времени они добивались от Версаля уступки Парижу в этой области и отошли в сторону лишь тогда, когда дальнейшие события, обострив отношения между двумя лагерями, перевели спор между ними в вопрос классовой борьбы между буржуазией и пролетариатом.

2.

Известный деятель I-го Интернационала Джемс Гильом рассказывает, что при первом известии о вспыхнувшем в Париже восстании комитет Юрской федерации отправил делегатов в Париж, чтобы узнать от вождей движения, какой они ожидают поддержки от товарищей в других странах. Но Эжен Варлен, один из влиятельнейших вождей парижских рабочих, ответил делегату, что движение преследует чисто локальную цель завоевания муниципальных свобод для Парижа, а потому не может послужить исходным пунктом для интернациональной революции (J. Guillaume, *L'Internationale, Souvenirs et Documents*. II, 133). Так туманно представлялись цели движения в его начале даже наиболее принципиальным его участникам.

Но когда выборы в Коммуну, происшедшие при бегстве либо бойкоте значительной части парижской буржуазии, дали громадное большинство рабочим и деятелям рабочего движения и революционных обществ, а в то же время версальское правительство организовало травлю парижского движения, как бунта пролетариев против господства буржуазии, против «собственности, семьи, порядка и государства», то парижским борцам стало ясно, что логика политической борьбы расширяет смысл того простого акта самооборны, каким был движение 18 марта.

Примкнув ко всему прежнему движению парижских рабочих в 1848 году и в последние годы империи, они объявили своей конечной целью социальную эмансипацию.

не впадая в буйную и «беспочвенную» утопию, такой ход развития, когда социальным силам, представляющим в Советском Союзе истинных носителей революции, т. е. рабочему классу и крестьянству, удастся организованным напором завоевать себе «всесоюзный парламент» и свободным решением этого парламента принудить «тоталитарную диктатуру», в лице Сталина, к капитуляции.

Но, в конце концов, подчинится ли Сталин напору организующихся рабоче-крестьянских сил, или им придется так или иначе «устранить Сталина» — это вопрос политически второстепенный, имеющий больше значения для личной судьбы Сталина, чем для социально-политических судеб советской революции. И насильственное «устранение Сталина» свободною волею опирающегося на организованное рабоче-крестьянское движение «всесоюзного парламента» было бы эволюционным методом демократизации советского режима, между тем как и «мирное» устранение его в порядке дворцовой интриги борющихся между собою верхушечных клик лишь приближало бы страну и советский режим к контр-революционному срыву.

Итак, еще и еще раз: никакой ставки не ставить на междуусобицу «сталинцев» и «анти-сталинцев»! Ничего не ожидать от их доброй воли или самопроизвольного просияния их ума! Ни на минуту не забывать, что и самые благие намерения их (а отрицать наличность таких намерений в обоих лагерях у нас нет ни оснований, ни права) будут парализованы их неизбежным пленением социальной «верхушке» советского общества, пока борьба их будет замыкаться в рамки этой верхушки! Все надежды свои возлагать на возрождение организованного движения рабочего класса, ибо через это возрождение проходит единственно реальный путь к демократизации советского режима!

пацию рабочего класса. А в акте свержения с плеч Парижа буржуазной государственной власти они стали видеть уже не простое завоевание муниципальных свобод в данном государстве, но средство освободиться от всякого классового государства.

Господствовавшие в среде тогдашних передовых парижских рабочих прудонистские взгляды делали для них наиболее приемлемой такую именно интерпретацию происшедшего восстания.

Согласно взглядам прудонистов, «естественная» общественная связь, вытекающая из экономической необходимости, нарушена в истории искусственной принудительной иерархической связью, которая выражается в различных формах государства. Освобождение общественного хозяйства от государства — такова та революция, которую должны произвести работники, чтобы создать добровольную ассоциацию производителей. Свержение Парижем власти буржуазного государства и должно начать такую революцию.

«Чего требует Париж?» писала Коммуна в своем воззвании 19 апреля. «Полной автономии Коммуны, пространенной на все местности Франции и обеспечивающей каждой неприкосновенность ее прав и всем французам полное применение их дарований и их способностей, как человека, гражданина и работника.

«Автономная коммуна будет ограничена равным автономным правом для всех других коммун, участвующих в договоре, ассоциация которых обеспечит французское единство».

Таким образом, программой движения выставлялось

Но, если организованное рабочее движение является теоретически единственно реальным рычагом демократизации советского режима, то являются ли реальными расчеты на возникновение такого движения? Не замыкает ли социалдемократию сама советская действительность в рамки дилеммы: «сталинизм» или «анти-сталинизм», и не является ли поэтому ориентация на организованное рабочее движение бегством от действительности в абстракцию, которой нет и не может быть места в реальной советской жизни?

Если бы это было так, то это означало бы, что контр-революционный эпилог политического кризиса Советского Союза уже исторически предreshen. Ликвидация всяких надежд на организованное вмешательство трудящихся масс в ход кризиса означала бы ликвидацию и всех шансов «спасения революции», и одновременно всех надежд социалдемократии на возможность начать еще в ходе кризиса свое возрождение в качестве активной политической силы. Лозунг «невмешательства» в борьбу верхушечных клик и ориентации на организованное рабочее движение приобрел бы при этом не тактически-действенный, а чисто пропагандистский смысл. Но и в этом случае значение его для всей будущности социалдемократии было бы огромно.

Оно было бы огромно, потому что лозунг этот предостерегал бы и самих социалдемократов, и те активные элементы рабочего класса, до которых доходит ее голос, от вступления на безнадежный «бабувистский» путь революционного максимализма. Но что еще важнее: он предохранил бы социалдемократию от вольного или невольного, хотя бы лишь «морального» соучастия в «движениях», которые никаких иных результатов, кроме контр-революционных, дать не могут, и тем самым сохранил бы за нею (если не в организационной, то в идейной преемственности) спо-

разложение современного государства на автономные местные коммуны, добровольно федерирующие в союз равноправных коммун. Соответственно этому представлению парижская коммуна организовалась, как чисто локальный орган, совершенно не претендуя на роль временного правительства в той революции, которую она призвала, вслед за Парижем, совершить все города и села Франции. Ее отношения с провинцией должны были вестись одним из ее комитетов, все остальные департаменты, на которые коммуна разбилась, оставались органами местного управления.

Наиболее охотно борцы коммуны для характеристики парижского движения пользовались термином: «федералистское».

Видный участник Коммуны, Артюр Арну, в своей «Народной истории Коммуны» объяснял, что «каждая автономная группа должна разрешить в своем собственном кругу вопрос социальный, т. е. вопрос о положении собственности, об отношениях труда к капиталу».

Подобное представление о политических формах, в которых должна совершиться социальная эмансипация рабочего класса, находилось в противоречии с уже тогда достигнутым уровнем централизации народного хозяйства. Если бы Коммуне удалось просуществовать больше времени, рамки так понимаемой автономии оказались бы непреодолимым препятствием для проведения первых же социальных реформ, направленных против капитализма. Коммуна не имела этого времени для опыта. Собравшаяся с силами версальская контр-революция, поддержанная Бисмарком, успела задуть

способность возглавить то движение рабочего класса против победившей контр-революции, которое неизбежно возникнет в результате неизбежного разочарования. И наоборот: всяким иным, хотя бы только пассивным, отношением к «младотуретчине», социалдемократия, как партия рабочего класса, не только не добилась бы для себя ничего в настоящем (даже если бы «гражданский правопорядок» контр-революции принес ей временное улучшение полицейских условий работы, а то и формальную «легализацию»), но собственными руками убила бы и свое будущее.

Ибо с контр-революционным завершением революции то-же, что с войной: контр-революция, как и война, могут создать обстановку, которую социалдемократия может «использовать» в своих целях. Но действительно использовать ее в этих целях она сможет лишь в том случае, если заранее борется против них, если у масс не возникает ни малейших сомнений в том, что они — контр-революция или война — приходят против социалдемократии, не только без ее малейшего соучастия, но при ее ожесточенном сопротивлении.

Таким образом и самая пессимистическая оценка перспектив организованного рабочего движения в Советском Союзе не освобождает социалдемократию от обязанности именно ориентацией на это движение определять свою позицию в ходе политического кризиса. Но для эксцессов пессимизма нет достаточного основания. Наоборот, грандиозный рост промышленности, все возрастающая потребность в рабочих руках и, особенно, в квалифицированном труде, с одной стороны, все расширяющийся раствор «ножниц» между быстрым подъемом благосостояния «верхушки» и неподвижностью, в лучшем случае — все усиливающимся отставанием уровня жизни рабочих масс, с другой, — это как раз та обстановка, в которой имеются все вероятности ожидать возрождения рабочей борьбы. Как я неоднократно уже говорил, этой борьбе грозит опасность либо замк-

нуться в порочный круг «чисто рабочих» интересов, либо выродиться в неорганизованные и недисциплинированные и потому легко подавляемые вспышки. Проблема целесообразного организационного руководства ею приобретает поэтому с самого начала первостепенное значение. Но я выше уже указывал, как самое возникновение движения будет создавать элементы для решения этой проблемы, а в статье о «перспективах с.-д. работы» («С. В.», №1) попытался, со всею возможною в таких вопросах конкретностью, наметить и те формы, в которых социалдемократия сможет принять участие в ее разрешении.

**

Но нет-ли противоречия между признанием быстрой, с какою развивается кризис, и тем фактом, что возродившемуся рабочему движению придется еще проделать длинный путь перехода от чисто экономических, профессиональных и местных требований к формулированию политической программы? Не исключает-ли это противоречие заранее всякую возможность активного и положительного участия этого движения в разрешении кризиса?

Но выше уже указано, как первые-же проблески возрождающегося рабочего движения способны изменить всю постановку политической проблемы Советского Союза и тем самым радикально изменить и условия «состязания на скорость» между верхушечно-контр-революционными и массово-демократическими методами этого разрешения. Не говорю уже о том, что всякие представления о будущих «сроках» настолько не поддаются точному обоснованию, что класть именно их в основу своей политической ориентации было бы чистейшим авантюризмом. И если даже считать темпы развития политического кризиса настолько бурными, что позволительно не полагать исключенной возможность разрешения его еще в наступившем, 1937-ом году, то это так же мало дает социалдемо-

движение, поднявшееся в нескольких провинциальных городах на поддержку Парижа, и повела против него громадную армию, руководимую реакционнейшими наполеоновскими генералами. После ожесточенного сопротивления дело «порядка» восторжествовало, и началась одна из гнуснейших оргий белого террора. Тысячи были расстреляны, десятки тысяч в течение 10 лет подвергались всевозможным мучениям в каторжных тюрьмах. Громадное количество спасшихся от мести победителей ушли в добровольное изгнание. Еще раз пролетарская революция была подавлена.

3.

В памяти международного пролетариата Коммуна осталась героической попыткой парижских рабочих свергнуть классовое господство буржуазии и создать республику труда. В течение следовавших затем десятилетий укрепления национальных государств, созданных буржуазией, когда пролетариату в каждой стране приходилось шаг за шагом отвоевывать политические и социальные позиции против возрастающего могущества капитализма, Коммуна напоминала о неизбежном переломе истории, когда, опираясь на свою возросшую силу и организованность, пролетариат в состоянии будет осуществить ту задачу, перед которой 18 марта 1871 года встали парижские рабочие.

Централизация экономической жизни за эти полвека сделала дальнейшие гигантские шаги; экономическая взаимозависимость отдельных стран стала еще теснее.

[Если в 1871 г. изолированный переворот в Париже был обречен на неудачу, то в настоящее время социалистическое преобразование вообще может быть проведено лишь в том случае, если революция охватит, по крайней мере, ряд передовых государств. Вырождение социальной революции, происшедшее в России, является этому подтверждением.]

Возросшим трудностям социального переворота соответствует однако и во много раз возросшие сила и численность рабочего класса, уже составляющего в наиболее передовых странах большинство населения, возросшая сознательность его, его пополнение пролетаризированной интеллигенцией, без содействия которой сложная задача организации производства на новых началах немыслима. Вместе с тем, несмотря на свое возросшее богатство и могущество, всемирная буржуазия переживает период внутреннего упадка и разложения. Она потеряла власть над созданными ею гигантскими производительными силами: в конкурренционной борьбе за барыши она обрушила на человечество ужасную войну и не менее ужасным миром создала условия, на каждом шагу парализующие восстановление нормальной хозяйственной жизни или заставляющие покупать его ценой тягчайших жертв, питающих революционное брожение народных масс.

При таких условиях, как бы медленно для нас ни развивался исторический процесс, его конечный пункт не может оставлять сомнений: пролетариат идет к завоеванию политической власти.

Маркс назвал парижскую Коммуну «диктатурой про-

кратии основание отказываться от ориентации на организованное рабочее движение, как широко и в социалистической среде распространенное представление, что 1937 год окажется решающим для судеб европейской и мировой войны, дает ей основание отказываться от борьбы за мир: фатализм ни при каких условиях не может определять политической позиции рабочего класса и социалдемократии.

Я не буду сейчас еще раз возвращаться к многократно разобранному мною вопросу о социально-политической программе, которую социалдемократия должна будет понести в возродившееся рабочее движение, о путях «политизирования» этого движения, которые открывает ему советская действительность, и о новой конституции, как том самом мощном рычаге, за который оно должно ухватиться и раньше или позже непременно ухватиться, чтобы, защищая свои жизненные интересы, отвоевывать себе свободу организации и, отвоевывая эту свободу, тем самым закладывая фундамент подлинной демократизации советского режима.

Все это — лишь звенья одной и той-же цепи, начальное звено которой заключается в последовательной и безоговорочной ориентации на организованное рабочее движение, обеими ногами стоящее на почве завоеваний революции и советского режима, как той исторической государственной оболочки, в которой эта революция развивалась и которую она сама себе создала. Только в свете такой ориентации может быть понято не как преходящий тактический маневр, а как глубоко принципиальная стратегия социалдемократии в завершительную эпоху революции, и то постановление Заграничной Делегации нашей партии от 8 октября, в котором она сказала, что «основная задача пар-

летариата». И пояснил, что эта диктатура выражалась в том, что все полу-пролетарские и мелкобуржуазные элементы Парижа, революционизированные кризисом войны и падения бонапартовской империи, впервые признали в парижском пролетариате своего естественного вождя в борьбе с силами старого общества и готовы были, вместе с его руководством, принять и его программу.

Современный кризис всего буржуазного общества создает предпосылки для такой-же группировки общественных сил, вне которой успешная пролетарская революция невозможна. Временно успевая приковать к себе отдельные слои полу-пролетарских и мелкобуржуазных классов, капитализм осужден, в конце концов, отбрасывать их в лагерь недовольных. Медленно, очень медленно, но идет этот процесс, и внутреннее состояние рабочего класса, расколотого и обессиливаемого ошибочными шагами его отдельных слоев, еще более его замедляет. И все-таки победа за нами! Оттесненный ныне почти по всей линии на оборонительные позиции, международный пролетариат совершит внутреннюю работу самокритики, которая исцелит его от национал-реформистских и бланкистско-анархистских иллюзий и, вернув сплоченность его боевому фронту, создаст одно из основных условий конечной победы.

Первый удар, нанесенный европейской цивилизацией Бисмарком и Бонапартом, привел к Парижской Коммуне. Из всемирной войны, которую самоубийственно разнуздали империалистическая буржуазия, рождается великое наступление всемирного пролетариата, ведущее к торжеству тех идеалов, ради которых восставали и умирали борцы 1871 года.

тии в настоящий момент заключается во всестороннем содействии рабочим массам в их попытках использовать легальные рамки новой конституции для отстаивания своих интересов».

«Лицом к массам!» — в этой формуле можно было бы выразить стратегическую идею социалдемократии, если бы она не была так затаскана, так опошлена и так извращена большевизмом. Ибо, для социалдемократии массы — не объект политического воздействия, а субъект политического действия; не слепое орудие в руках «профессиональных» демиургов истории, а сознательный творец ее. Только организованным и сознательным творчеством трудящихся масс может быть добыта та демократизация советского режима, с которой так неразрывно связаны судьбы советского и международного социализма!

С. Ш.

Дымовая завеса

Пароль был дан во время Новосибирского процесса. Если где что плохо, если элементарные интересы рабочих масс игнорируются, права их грубо нарушаются, — причин нужно искать отнюдь не в системе коммунистического произвола, не в упрощенно «производственной» ориентировке всей современной промышленной политики, ответственность за все безобразия ложится отнюдь не на коммунистическое начальство и уж, конечно, не на «партию и правительство». Нет, за все отвечает всемогущий и вездесущий «классовый враг», тысячеголовая гидра — «троцкизм». В Новосибирском процессе мысль эта впервые была поднята на принципиальную высоту. В процессе Пятакова - Радека - Сокольников она получила универсальное развитие.

Это было замечательное открытие, особенно высоко оцененное в редакциях советских газет. Теперь, по крайней мере, все ясно, и можно свободно говорить о вопросах, о которых приходилось до сих пор писать с такой оглядкой. Грубейшие хозяйственные «неполадки», многомиллионные «просчеты», бесчисленные железнодорожные и прочие аварии и катастрофы? Ищи «классового врага»! В обошедшем всю печать обращении «рабочих» завода «Серп и Молот» в Москве «ко всем рабочим Советского Союза» так прямо и сказано: «Мы знаем, что агрегаты сами по себе не отстаиваются, станки сами не ломаются, котлы сами по себе не взрываются. За каждым таким актом спрятана чья-то рука. Не рука ли это врага?» («Правда» от 1-го февраля). А «За Индустриализацию» (в передовой от 3-го февраля) еще «уточняет»: «Каждая авария, если она уже произошла, должна иметь фамилию, имя и отчество».

Мысль о «классовом враге», как о подлинном источнике всех бед, особенно настойчиво разрабатывается, когда речь заходит о вопросах, непосредственно и близко затрагивающих повседневные интересы рабочих масс. Конечно, дело охраны труда, дело обеспечения безопасности работ на многих предприятиях поставлено из рук вон плохо. Но кто же виноват в этом, как не все те же неутомимые «вредители» и «агенты германского фашизма», сумевшие «прокрасться» во все поры хозяйственного и административного аппарата? Конечно, жилищное строительство у нас крайне запущено и жилищные условия часто ужасны. Но разве не ясно, что и тут «орудует рука врага»? И т. д., и т. д.

На вопросах жилищного строительства печать в последние недели останавливается с особенной настойчи-

востью. Вот, напр., Невский химкомбинат, «принадлежащий к числу тех предприятий, где орудовали презренные враги народа — Пятаков и Ратайчак». Жилищное строительство затягивается здесь на годы, а результаты стройки ниже всякой критики:

«...Выстроенный, наконец, четырехэтажный каменный дом был заселен рабочими. Но теперь оказывается, что **одна сторона дома осела**. Несмотря на то, что в доме сейчас живут 50 семейств, в нем нет никаких культурно-бытовых учреждений — прачечной, детского сада, очага. **Кухни лишены какой-либо вентиляции**».

Рядом с этим домом находится небольшой стандартный домик, построенный для инженерно-технических работников. Дом сдали в эксплуатацию, **не позаботившись об отоплении...**

На территории завода построено девять домов под общежития, но они расположены почти рядом с цехами, и **отходящие газы попадают в квартиры**» («Труд» от 6-го февраля).

Еще мрачнее картина на Уралвагонзаводе. Здесь всюду «следы грязных лап подлого троцкистского вредителя Марьясина» (бывш. начальника Уралвагонстроя и директора Уралвагонзавода). В жилищное строительство здесь вкладывались громадные средства, но сплошь и рядом постройки не доводятся до конца и постепенно разрушаются. Миллионы рублей выбрасываются на ветер, а жилищная нужда достигает крайней остроты. Но это, пожалуй, еще пол-беды: хуже, когда строительство доводится до конца:

«Марьясин вне плана решил строить пионерский клуб, детские ясли и дом культуры, но построить так, чтобы ими нельзя было пользоваться. В октябре 1936 г. пионерский клуб был отстроен, но принять его отказались, так как каркасно-засыпная конструкция клуба крайне опасна в пожарном отношении. **Жажда крови и убийства детей не давала спать троцкистскому бандиту**. Он хорошо знал, что случись в этом здании пожар во время скопления детворы, огромные человеческие жертвы неизбежны».

Тот же метод вредительства был избран и при строительстве детских яслей. Здание отстроили и... в октябре 1936 г. законсервировали. Но законсервировали не потому, что Марьясин **раздумал губить в огне маленьких детей рабочих Уралзавода**, а потому, что пожарная охрана не дала разрешения на ввод здания в эксплуатацию» («Труд» от 14-го февраля).

Что уж после этого говорить об охране труда? Здесь «работа» велась по всему фронту:

«Сознательное неиспользование средств на проведение необходимых мероприятий по охране труда, загазование шахт, порча вентиляции, организация аварий, взрывов, массовые отравления и убийства рабочих — вот методы борьбы троцкистских диверсантов, шпионов и вредителей...»

В Кемерове, на Горловском туковом заводе, на Невском заводе, на Воскресенском химкомбинате и на других предприятиях троцкистская банда устраивала аварии и диверсии, взрывы, пожары и обвалы не только с целью разрушения производства, но и массового убийства рабочих. В Кемерове сознательно разрушалась вентиляция, загазовывались шахты, в рудниках создавались газовые мешки и тупики. Это привело к массовым отравлениям и гибели рабочих» (Евренков в «Труде» от 5-го февраля).

Массовые отравления и гибель рабочих, — это, увы, горькая правда. Но не слишком ли спешит сложить с себя ответственность перепуганный секретарь ВЦСПС? Ведь в той же статье, которая начинается приведенной только что решительной цитатой, автор вынужден констатировать «преступно-легкомысленное отношение многих (!) профорганизаций к порученным им государством важнейшим обязанностям в области охраны труда» и «ослабление за последние два года внимания хозяйственных организаций и профсоюзов к вопросам охраны труда». И нужно ли действительно забираться в шахты далекого Кемерова, чтобы констатировать разрушение вентиляции, загазование шахт, массовые отравления и пр., если та же картина наблюдается на многих шахтах близкого Донбасса, а на шахте им. ОГПУ (треста «Несветайнтрацит»), о которой еще так недавно писалось, как об образцовой шахте, и совсем повторяется кемеровская

картина: в Кемерове троцкистский вредитель советовал будто бы рабочим «разгонять газ куртками», а в шахте им. ОГПУ, по рассказу навалотбойщика Шарихина, поступают и того проще: «**Помахашь лопатой, очистишь от газа рабочее место и наваливаешь уголь**» («Труд» от 24-го февраля). — Уж не фашистские ли агенты «орудуют» на шахте им. ОГПУ?

За дымовой завесой анти-троцкистской кампании правящая бюрократия пытается скрыть свои ошибки и преступления, пытается отвести на головы «троцкистов» недовольство рабочих масс их все еще жалким положением, пытается помешать трудящимся массам Советского Союза найти тот единственный путь к спасению революционной страны от термидорианско-бонапартистского вырождения, который через преодоление бюрократической диктатуры ведет к созданию подлинного, свободного рабоче-крестьянского государства.

Заметки

ПОПРОБУЙТЕ!

И в крупном, и в малом выявляется сейчас в СССР то обстоятельство, что страна переживает переходное время. И в политике, и в печати, и на собраниях и в быту нет сейчас доминирующей линии, нет однозначных настроений. Конечно, по каждому крупному вопросу имеются и сейчас авторитетные директивы, но в единую систему они пока еще не увязаны, особенно в области идеологии и психологии.

И, как люди в переходном возрасте, советская печать говорит сейчас то басом, то дискантом, то дребезжащим фальцетом. Диссонансы и противоречия ежечасно ставят в тупик даже самого нетребовательного читателя.

Статьи о равноправии всех населяющих Союз национальностей сменяются вдруг статьями в обоснование права великороссов на сугубо национальную гордость. Провозглашается великое культурное значение не только Пушкина и Гоголя, но и Лермонтова и даже Надсона, и в тоже самое время берутся под подозрение Некрасов и Достоевский. Директива партийцам «не мешать» хозяйственникам, на следующий же день подрывается суровой отповедью тем партийным секретарям, которые позволяют себя отстранять от руководства хозяйственной жизнью района...

Либерализм и побрякушки на религиозном фронте одновременны с чистками и карами в отношении философов, историков, писателей и поэтов...

Пойми, кто может!

Но особенно фальшиво звучат большевистские рассуждения, когда они пытаются обосновать моральные принципы, обязательные для членов ВКП.

Недавно в «Правда» была напечатана передовая под названием «Правдивость и честность». Сперва сентенции весьма сомнительного качества: принципы настоящего коммуниста — кристальная честность, правдивость и скромность... Лицемерие и обман — это отравленное оружие, присущее врагам большевиков — меньшевикам и эс-эрам...

Но в дальнейшем выясняется, что честность и правдивость необходимы в сущности лишь в отношении своей партии ВКП и, главным образом, на предмет правдивого донесения о троцкистах и вообще «о фактах вражеской деятельности».

«Правда» достигает почти пафоса проповедников «Армии Спасения», когда убеждает истинных коммуни-

стов никогда не делать подлогов и подчисток в своей партийной членской книжке!

Мы думаем, что в таком смысле «правдивость и честность» одобрил бы и Ленин, который, вероятно, весьма не любил, чтобы его обманывали, но который не раз проповедовал, что для достижения цели хороши все средства, и который в своей фракционной борьбе частенько применял, как это знают все, кто боролся рядом с ним, и обман, и фальсификацию, и клевету. Достаточно напомнить недавно «Правдой» же опубликованную записку Ленина, который незадолго до своей смерти рекомендовал, для компрометации меньшевиков, изображать их, как агентов Антанты.

При этом следует не забывать, что и оппозиционеры — Каменев, Зиновьев и проч., — столь широко применявшие двурушничество в отношении своей партии, политическое воспитание получили именно в ленинской школе, в той самой, в которой с наибольшим успехом обучился и Сталин.

Сталин, великий мастер лицемерия и интриги, в роли проповедника честности и правдивости! Это одна из интереснейших психологических гримас эпохи вырождающегося большевизма!

Но посмотрим, как применяются прекрасные принципы честности и скромности на практике, в политике сегодняшнего дня.

Недавно в «Известиях» была напечатана прелюбопытная передовая: «Об авторитете советского государственного деятеля» (18 февраля).

Недостаток места не позволяет нам процитировать статью, но мы остановимся на ее выводах. В СССР предстоят выборы. «Во всем мире ни одна буржуазная партия не уверена в своем завтрашнем дне». Все боятся суда недовольных избирателей. А в странах фашизма «фюреры» и «луче» попирают «остатки демократии» и террором превращают народ «в нужный им инструмент»... «В то же самое время Всесоюзная коммунистическая партия большевиков смело идет в СССР на выборы, организуемые на самых демократических началах». И далее следует идиллия на тему: «народ доверяет ВКП, коммунисты доверяют народу. Без тени тревоги коммунисты предоставляют народу выборами определить свое отношение к политике большевиков.

Трогательная картина! «Правдивые коммунисты» забыли только указать, что, в отличие от демократий, в СССР ни одна партия, кроме коммунистов не будет допущена к участию в выборах! «Чуждые лицемерия», они умолчали, что в СССР уже давно не существует никаких остатков демократии, и что умение террором обеспечить приказы власти доведено в СССР до совершенства. Цена же «уверенности и спокойствия», с которым ВКП идет на выборы лучше всего иллюстрируется расстрелами, арестами и прочей деятельностью Ежова.

Близятся выборы. Об этом косвенно говорят темы передовых статей. Идет подготовка фасадов, спешно сооружаются парадные декорации. Начинается обработка психологии масс. Делается попытка внушить распыленным массам, что они «вершители своих судеб» и что ВКП — лишь их верный представитель.

Но там, где политика делается, там хорошо знают и помнят другую директиву ВКП, последовавшую тотчас же после принятия конституции.

«Плох тот секретарь, — писала «Правда», — который не сумеет обеспечить при выборах прохождение партийных и непартийных большевиков. Эта задача при тайных выборах несравненно труднее, чем ранее. Но партия будет судить своих представителей по делам их».

Эта директива несколько противоречит утверждению,

что ВКП, не в пример буржуазным партиям, не боится выборов и суда избирателей.

«Советский народ верит ВКП и следует за ней», — утверждают правдолюбцы из «Известий». А ну-ка попробуйте на практике проверить это утверждение. Ведь, скромность, подобно честности, украшает чело истинных большевиков!

После двадцатилетнего монопольного господства попробуйте узнать действительное мнение народных масс о своей власти. Осмейтесь обеспечить другим партиям трудящихся действительную и равную возможность участвовать в предвыборной кампании и в самих выборах.

Без этого все заявления «о доверии народном», «о самой совершенной демократии» — звучат лишь, как ложь и лицемерие.

А ну-ка попробуйте!

Ю.

О. ДОМАНЕВСКАЯ.

Два года колхозного устава

Двухлетие нового колхозного устава побуждает к подведению некоторых итогов, к сопоставлению намеченных заданий и их выполнения.

Устав 1935 года должен был знаменовать окончательный разрыв советской власти с прежней политической административного принуждения, окончательный переход к политике экономического заинтересовывания колхозника в подеме колхозного хозяйства. Опыт протекших лет свидетельствует о том, что советская власть от взятого ею курса не отклонилась. Два года прошли без каких-либо новых зигзагов, без изменения основной линии крестьянской политики, и советская власть за этот период настойчиво стремилась к претворению в жизнь центральных пунктов «устава».

«Устав» требовал прежде всего твердого закрепления землепользования за колхозами — «навечно» формулировал Сталин желание колхозников. Тщательный уход за землей, правильные севообороты, мелиорация, знание местных условий — все эти предпосылки высокой урожайности тесно связаны с незыблемостью землепользования. К концу 1936 года из 245 тысяч колхозов свыше 180 тысяч получили государственные акты на бессрочное пользование земель. Однако, дело идет не о простом юридическом закреплении участков за колхозами. Одновременно продвигается важная работа по землеустройству.

Если коллективизация большей частью покончила с внутриколхозной черезполосицей, то все же осталась и случайность конфигурации колхозных земель, и межколхозная черезполосица, и дальнотелье. Закрепляя землю «навечно», землеустроительные органы стремятся устранить эти отрицательные моменты, сводя воедино колхозный массив, ликвидируя причудливое переплетение земель соседних колхозов. Разрешить эту трудную задачу удастся только частично и далеко не совершенно, но при всем том совершается значительная рационализация земельного хозяйства. В то же время закрепление участков сопровождается во многих случаях расширением земельной базы маломощных колхозов. 317 колхозов Сталинградского края получили прирезку в 334 тыс. га., 37 — Республики немцев Поволжья — 29,8 тыс. га., 1.359 — Иваново-промышленной области — 65 тыс. га. По Западно-Сибирскому краю колхозам было прирезано 1.070 тыс. га., в Красноярском крае — 404,3 тыс. га., в Киргизской

АССР — 406,8 тыс. га., в Воронежской области — 371,8 тыс. га. и т. д. Земля для прирезки берется из государственных фондов, у совхозов, а также у единоличников, входящих в колхоз, или не обрабатывающих своей земли.

Конечно, при проведении этого землеустройства приходится констатировать во многих случаях и производ, и бюрократическое отношение местных организаций, и пренебрежение к тем или иным специальным интересам колхозников. Тем не менее проделанная работа имеет колоссальную ценность, создавая необходимые предпосылки для повышения производственного эффекта сельского хозяйства и для стимулирования хозяйственной энергии колхозников. Несомненно, что эти факторы играли важную роль в успехах текущего года, достигнутых несмотря на чрезвычайно отрицательные климатические условия.

Наряду с колхозным землеустройством «устав» предусматривал мероприятия, обеспечивающие подъем личного хозяйства колхозников: закрепление в личное владение достаточного количества приусадебной земли, поощрение личного животноводства. И здесь мы можем констатировать множество различных грубых извращений и нарушений намеченной линии и в действиях правлений колхозов, и в политике колхозно-товарных животноводческих ферм. План по передаче колхозникам телят из колхозно-товарных ферм выполнен в текущем году по всему СССР только на 52%, по передаче овец — на 66%. Многие колхозы не заботятся о снабжении кормами личного скота колхозников. Интересы своей маленькой колокольни часто диктуют тем или иным органам образ действий, весьма отличный от правительственных планов. Но если подытожить конечный результат, то придется признать, что в основном задание выполняется, что политика власти привела к росту и укреплению личного сектора колхозника и в то же время к общему подъему колхозного животноводства.

Животноводство до последнего времени было самым уязвимым местом колхозного хозяйства. Еще в 1934 году количество лошадей продолжало уменьшаться, а количество коров и коз оставалось без изменения. В 1935 году животноводство дает по сравнению с предыдущим годом прирост по всем видам скота, в 1936 процент этого прироста еще значительно повышается. Этот рост происходит и за счет товарных ферм, и за счет личного скота колхозников. За 11 месяцев 1936 года весь прирост по колхозно-товарным фермам составил около 6,5 миллионов голов. В то же время происходило снабжение колхозников молодняком. За 11 месяцев 1936 года колхозникам было передано 1.408 тыс. телят, 5.096 тыс. поросят и около двух миллионов овец и коз, — причем, как указано было выше, выполнение далеко отстает от плановых заданий. Сейчас уже имеется немалое количество колхозов, в которых все колхозники имеют коров. Как выросло за последний год личное животноводство колхозников, показывают следующие данные: в июне 1935 года на 100 колхозных дворов по всему СССР приходилось, в среднем, 135 голов крупного скота, 141 голова овец и коз и 54 свиньи, в июне 1936 года обеспеченность крупным рогатым скотом возросла до 158, по овцам и козам до 176 и по свиньям до 81. Но расширение личного животноводства непосредственно зависит от подъема всего колхозного хозяйства, без чего нельзя получить необходимой кормовой базы. Таким образом, самой жизнью ставится на разрешение проблема сочетания личного интереса колхозника с интересами обобществленного хозяйства.

Линия колхозной политики, нашедшая себе выражение в «уставе», несомненно гарантирует дальнейший хозяйственный подъем колхозов, но авторы «устава» со всей отчетливостью подчеркнули, что подобное раз-

витие возможно только при активном участии всех колхозников в руководстве колхозным хозяйством, при действительном превращении колхозников в ответственных хозяев колхоза. «Устав» настойчиво говорит о приоритете общего собрания колхозников над правлением и председателем, о зависимости исполнительных органов от воли избирателей. «Устав» предписывает по существу реализацию «колхозной демократии». Практика двух лет показывает большое разнообразие в претворении в жизнь этого лозунга.

В большом количестве колхозов уже сейчас общее собрание является регулярно функционирующим высшим органом, без которого правление не может разрешить никакого важного для колхоза вопроса. Колхозники чувствуют себя действительными хозяевами, которые контролируют своих выборных, определяют их пригодность к работе. На отчетном годовом собрании артели им. Ворошилова Азово-Черноморского края колхозники потребовали от председателя: «Говори по пунктам, чего требует устав и что фактически у нас сделано», а после доклада и обсуждения постановили: «Председатель правления человек неплохой, но с таким сильно выросшим хозяйством нашего колхоза он не справляется». Если же колхозники довольны своим председателем, то они его решительно отстаивают от посягательств районных властей. «Хорошие хозяева за хорошего председателя горой постоит, до области, до Москвы дойдут», — пишет в «Соц. Земл.» одна заведующая МТФ.

Вопрос о председателях остается одним из самых острых в колхозной жизни. В противоречии с положениями «устава» районы произвольно распоряжаются председателями, перебрасывая их из одного колхоза в другой или просто смещая. В республике Коми за 1936 год из 682 председателей сменилось 143. В отдельных колхозах за 10 месяцев сменилось по 4 председателя, преимущественно по инициативе районных властей. Эти действия районных властей, дезорганизуя непосредственно колхозную работу, приводят, с другой стороны, к тому результату, что многие председатели чувствуют себя независимыми от своего колхоза. «Соц. Землед.» от 17 февраля приводит характерный случай борьбы колхоза со своим председателем, который в своей работе не считается с колхозным общим собранием, перерасходовал смету и запрещает производить ревизию. На годовом отчетном собрании колхозники, хотя и признали наличие хозяйственных успехов, все же выразили свое осуждение деятельности правления. В ответ на это председатель объявляет собрание незаконным и грозит «зачинщикам» судом.

Обследования, произведенные в ряде районов, показывают множество фактов нарушения устава и со стороны районных организаций, и со стороны правлений и ревизионных комиссий, не отчитывающихся перед общими собраниями. Во многих случаях отмечается пренебрежение со стороны правления к бытовым нуждам колхозников. Особенно волнует колхозников вопрос о праве пользования лошадьми для личных потребностей. «Правда» в № от 25 февраля указывает на многочисленные случаи нарушения «колхозной демократии», в том числе на произвольное исключение из колхозов, на разбазаривание колхозных продуктов некоторыми советскими и партийными организациями.

Но положительная роль «устава» в том, что он стал

ТОВАРИЩ,

ПРОЧИТАВ, ПЕРЕДАЙ ДРУГОМУ!

для колхоза его основным законом, нарушение которого воспринимается колхозными массами, как посягательство на их собственные права. Массы воспитываются в борьбе за выполнение устава, против подрывающего его произвола и бюрократизма. В этих условиях колхозы все более вырастают в самоуправляющиеся хозяйственные коллективы, обуславливающие все больший подъем сельского хозяйства и быстрее продвижение СССР по пути социалистического строительства.

От редакции. — Само собою разумеется, что необходимым условием для того, чтобы колхозы могли все больше развиваться в самоуправляющиеся хозяйственные коллективы, обеспечивающие непрерывный подъем сельского хозяйства и ускоренное движение СССР по пути социалистического строительства, является **общая демократизация режима**, требующая нашей партии.

Литература и Жизнь

В. АЛЕКСАНДРОВА.

НОВЫЕ ВСТРЕЧИ С РАБОЧИМИ.

Самой разительной особенностью художественной литературы генеральной линии являлось отсутствие в ней рядовых рабочих. Проблема отображения жизни и настроений рабочих масс с самого начала Октябрьской революции натолкнула на одну трудность: на несозвучность настроений реально существующего пролетариата с тем, что ему по штатам официальной идеологии полагалось думать и чувствовать. Отсюда в период нэпа и разгорелась внутри официальной критики та ожесточенная полемика о «психологическом реализме», о вреде «показа живого человека», которая в генеральную линию закончилась поражением психологического реализма в пользу псевдоромантики. Поражение потерпело не только литературное направление. Горшее поражение потерпели стоящие за ним живые люди — старшее поколение пролетарских писателей. Подводя итоги развития пролетарской литературы, Лидия Тоом, позднее исключенная из союза советских писателей за «левый уклон», писала в 1930 году: «Так сложились исторические судьбы пролетарской литературы: сначала в ней доминировали рабочие, не поднявшиеся на высоту большевистского сознания. На смену им пришли большевики, — носители большевистской сознательности, вышедшие, однако, не из недр рабочего класса. Пришли большевики — интеллигенты». С тем большим апломбом выступали они от имени пролетариата!

Генеральная линия, несмотря на ее пролетарские фанфары, не смогла приостановить того процесса отщепления рабочего класса с позиций, занятых им в начале революции, который все яснее обозначился к концу нэпа. Она только маскировала этот процесс. Он сказывается, между прочим, и в том, что, в отличие от начала генеральной линии, отсутствие в литературе рабочих и проблема пролетарской литературы, даже для вида, перестали сегодня волновать казенных публицистов.

Но нет худа без добра. Именно потому, что официальная общественность перестала интересоваться рабочим, что его перестали таскать на всесоюзные диспуты в качестве нелюбимого свидетеля успехов «социалистического строительства» и уж не демонстрируют на нем быстроту «отмирания классов» — писатели, хоть бегло и робко, все же вновь стали давать зарисовки рабочих.

Формально произведения, отображающие рабочих, трактуют темы первой пятилетки. Но то обстоятельство,

что они написаны теперь, на исходе второго пятилетия, вносит много неповторимых деталей сегодняшнего этапа развития, раздвигая рамки романов социально-психологическими характеристиками, которые были бы немыслимы в начале генеральной линии. Эти характеристики ценны тем, что дают возможность увидеть складывающиеся отношения между различными общественными группировками.

Коммунист Л. Овалов — писатель вполне благонамеренный и искренне расположен к строителям пятилетки. Но вот сцена из его последнего романа «Утро начинается в Москве»: Вчерашний секретарь парткома и бывший рабочий Ярцев, назначенный директором крупного завода, входит в цех. Служащие и рабочие по старинке приветствуют его дружелюбно, чуть-чуть фамильярно, называя «Андрей Ивановичем» — «обычное приветствие!» Но Ярцев «злится». А когда старый формовщик, увидев директора и расплываясь в улыбке, бросил ему — «Андрею Ивановичу!» — «Чорт знает что, пробурчал Ярцев сквозь зубы, но пересилил себя». Через полчаса, однако, специальным его приказом, развешенными по всему заводу, объявлен выговор инженеру цеха за то, что он не умеет «внушить рабочим, что на работе нет места панибратству». Пусть это мелочь. Эпизод с увольнением лучшего мастера завода, старика Фадеева, вводит нас в самую гущу этих новых отношений между руководителями советского хозяйства и рабочими. Влюбленный в свое мастерство, старик Фадеев страдал одним недостатком — не любил он читать всякие инструкции: «Приказы не для тебя писаны?» — Ярцев прищурился: Спасибо тебе за твою работу, Фадеев, мастер ты вправду замечательный, но завтра в цех не приходи. Озадаченный, все еще не верящий в возможность такого скоропалительного увольнения, старик обещает впредь читать инструкции, но Ярцев умоляет: «Зачем тебе себя утруждать. Не надо. Я уже сказал — в цеху ты больше не нужен». И когда Фадеев, проработавший здесь свыше 30 лет, «теряя всякое достоинство», униженно напоминает о своей долголетней безупречной работе, Ярцев с высоты своего хозяйственного величия, обрывает его: «Тебя, Фадеев, предупреждали много раз. Свои слова я на ветер не бросаю»... А что думает автор, коммунист Овалов? В одном месте, касаясь новых черт в Ярцеве, он говорит извиняюще: «Это был перегиб. Ярцев понимал, но он переживал чувство возбужденной и всепоглощающей любви к машине... Молодой хозяин!»

Допустим на минуту, что роман Овалова, хотя и появившийся только в 1936 году, оперирует устаревшим материалом и не ушел обязательности на нынешнем этапе «бережного отношения к человеку». Роман молодого писателя Павла Нилина «Человек идет в гору» несомненно впитал уже все новейшие инструкции. Но при всей своей, местами вовсе неплохой, эмоциональной зарядке, и это произведение ярко выявляет не только процессы брожения внутри рабочего класса, но и ослабления его классовых позиций, вызванного общей политикой генеральной линии в недавнем прошлом и стахановским движением на сегодняшнем этапе.

Действие романа происходит на одной из шахт Подмосковского угольного района. Три группы рабочих выведены в произведении: «Старики», рабочие-ударники и многочисленная группа рабочих, пришедших из деревень. «Старики» на шахте держатся особняком, промеж себя ругают хаос и бесхозяйственность руководства, низкие заработки, но самой характерной их чертой является старая их рабочая закваска: «ни своих не выдавать, ни хозяину не помогать». С этой старой закваской все годы революции коммунисты ведут упорную борьбу. Повидимому, в последнее время, как и на

излете нэпа, коммунистическому начальству частично удается сломить глухое сопротивление старых кадров рабочих, смягчить и глухое недоброжелательное отношение к себе. Но переход части «стариков» на сторону коммунистов попрежнему протекает драматически: закадычные друзья перестают знаться с рабочими типа старика Козодоева, еще глубже уходят в себя.

Рядовая рабочая масса представлена в романе двумя образами — Ваней Курским и Лягушиным. Ваня Курский веселый парень, не дурак выпить, работает с прохладцей. Когда его друг и собутыльник Балун, человек богатырского сложения, но неисправимый пьяница, выдвигается по выполнению норм в первые ряды рабочих, Ваня начинает колебаться: «Ваня Курский сам бы мог стать таким же героем. Дело в общем нехитрое. Но Ваня все-таки умнее Балуна. Он знает, чем это кончится: музыка отгремит, нормы повысят, понизят расценки. И работать будет тяжело и зарабатывать будет трудно». Вот Ваня и решает поговорить с Балуном с глазу на глаз, предупредить его об этих перспективах. Балун предаст своего друга и на общешахтерском собрании рассказывает обо всем, что говорил ему Курский. Ваню разоблачают как «хвостиста и подкулачника и еще как-то, совсем уж обидно». Его исключают как подкулачника из профсоюза, и рабочие просят администратцию «убрать его с шахты и выселить из барака». Если бы не вмешательство парторга, который ценит в Ване его работоспособность, его живые бытовые связи с остальными рабочими, Ваню, конечно, выгнали бы. Дело, впрочем, кончается для него благополучно. Он публично кается в своем «хвостизме». Его восстанавливают в правах, и он становится под конец стахановцем, которого премируют роскошной комнатой в специально отстроенном доме для холостяков. Для отбора жильцов в это привилегированное общежитие существует особое жюри, которое оказалось «строже администрации». «Оно тщательно проверяет каждого кандидата, выясняет его производственные показатели. И поэтому (при огромной жилищной нужде в поселке! — В. А.) заселяется дом очень медленно. Очень долго пустовали девятью восемь комнат, отделанных под дуб и орех, под березу и красное дерево».

Выдающихся семейных ударников премируют уютной квартирой или даже отдельным домиком. Вест о такой премии всякий раз вызывает страстную дискуссию в поселке, в которой звучат «тревожные нотки»: Рабочие говорят, что такая премия дается «для приманки» — «ударяйте, мол, ударники, вам такие же квартиры дадут». А в действительности такие квартиры наперечет. Подобная дискуссия охватывает весь поселок, «как пожар».

Наиболее многочисленна группа рабочих, приходящих из деревни, у которых «идея осталась дома». «В эту группу в последнее время вошли, затесались не только те из деревенских людей, у которых нет коней — кто мечтает подработать на коня, но и те, у кого кони были, у кого было много коней и кто лишился их в результате коллективизации и раскулачивания. Эти люди мечтают отомстить. И мстят, как умеют. Они подрезают канаты, гробят воздушную магистраль, ломают отбойные молотки, подбрасывают толченое стекло в шахтерский борщ. Были уже два таких случая, когда в борще и в котлетах оказалось битое стекло и мелкие гвозди. Виновников, однако, не нашли».

Впрочем, один такой «виновник» сыскался. Он оказался молодым шахтером Лягушиным. «Человек этот год работал в шахте, жил в поселке, ходил по улице с гармошкой, перекинув ремень через плечо, играл грустные песни, завоевывая симпатии девиц, восхищая весь поселок необыкновенным своим музыкальным талан-

том... Впрочем, любили Лягушина многие. Его считали хорошим, душевным парнем». И вот оказалось, что этот «душевный парень» «хладнокровно» занимался вредительством. Мотивы? — Из очной ставки с ним парторга выясняется, что вредил Лягушин «из обиды на людей». Он и его отец занимались у себя в деревне пошивкой чуней. Их объявили кулаками и все отняли. Отец подался на шахту, работал забойщиком. За хорошую работу коммунистическое начальство снабдило его бумажкой, чтобы ему было возвращено отнятое имущество. Но ему ничего не вернули. Его бывшая мастерская тем временем была расширена. Он с досады и поджог — «фабрику». За это его посадили в тюрьму. А сын встосковал от всего этого и со своей стороны занялся «вредительством». Такие вредители «имеются всюду».

Прежде чем продумать эту новую черту, несомненно раздуваемую, — появление в художественной литературе вредителей из рабочих, остановимся еще на одном примере, взятом из романа Ивана Макарова, только что объявленного на последнем пленуме правления союза писателей «отъявленным врагом народа». (Забегая вперед, скажем, что роман «Миша Курбатов» осужден за то, что в нем рисуется бытовая смычка коммунистического и хозяйственного руководства с подозрительным по контр-революции человеком — Иваном Ереминым). При пуске первой комсомольской домны на Знаменстрое происходит взрыв чугуна. Следствие обнаруживает, что взрыв произошел оттого, что в ковш попала вода. Первоначально было предположение, что воду в ковш влили с вредительской целью. Но вскоре выяснилось, что здесь просто имела место чья-то небрежность, новый вид «вредительства», «исходившего от лодыря и пропойцы» Ивана Тулина, прозванного «Причепи чайник». Автор не жалеет черных красок для изображения этого «исчадия тяжкого невежества, лени, паразитизма, этого нагло горлопана, вопившего на всех собраниях о том, что его работой замучили, что его эксплуатируют, что нету харчей и приработка, а одни взносы (то-есть членские в профсоюз)».

«Мне шта-оо! — вопил он к делу и не к делу. Вы ударники? Аа, вы ударяете? А жрать-то, чего жрем? Ну и ударяйте! А мне шта-оо! Плевать мне на вас. Я причепил чайник за гашник — да и в Москву. А в Москве плохо — в Питер! А в Питере не по вкусу — так земля велика!» В течение полугода Иван Тулин переменил таким манером 17 раз место работы и 8 раз место жительства, летая с одного производства на другое со своим «прицепленным» чайником. Он не раз попадал на доску позора. Но «позор на него не только не действовал, но он даже бахвально превращал этот позор в свой триумф, кичился тем, что уже в сотый раз падает на черную доску».

В этом изображении рабочих-вредителей авторы сознательно сваливают в одну кучу акты рабочего саботажа по озлобленности с проявлениями элементарного протеста против тяжелых условий рабочего быта.

Появление рабочих-«вредителей» на излете генеральной линии имеет симптоматическое значение. Оно означает продолжение прерванной первой пятилеткой антипролетарской линии в литературе и в жизни. Уже к концу нэпа эта антипролетарская струя сказывалась порой очень отчетливо в рассуждениях даже многих рабкоров по поводу того, что реальные рабочие совсем уж не такие «хорошие», как «мы их изображаем». Уже тогда малейшие попытки рабочих бороться за улучшение своего экономического положения наталкивались на сопротивление крепнувшей бюрократии, которая эту борьбу изображала, как «шкурничество», «рвачество» и т. д. Погоня якобы «за длинным

рублем» особенно бичевалась в первую пятилетку. Замедление строительных темпов, экономический подъем страны, естественно, возбуждает сейчас в массах рабочих стремление к борьбе за улучшение своего положения. Один призрак этой борьбы рабочих уже пу-

гает советские верхи общества. Борьба будет очень тяжела, к ней надо хорошенько подготовиться. А для этого нужно, наконец, перейти к «реалистическому» и «образному» рабочим, довольно пролетарской романтики!

Французский горнорабочий о русских шахтерах

Осенью 1936 года делегация французского Союза Горнорабочих (объединенного) в составе 5-ти человек отправилась в Советскую Россию по приглашению общества Друзей Сов. России для изучения положения русских горнорабочих. Пробы в России несколько недель и изучив в частности Донбасс, делегация эта по возвращении во Францию на ряде рабочих собраний, в частности на собраниях горнорабочих северного района, отдала отчет о своей поездке и поделилась своими впечатлениями. Из 5-ти делегатов четверо сошлись на общем отчете, который они представили в письменной форме, и который был составлен т. Клебером Легэ, секретарем федерации углекопов. Пятый делегат, коммунист Кинэ, подписать общий отчет отказался и выступил в печати против коллективного отчета четырех. Этот отчет еще не опубликован, но в статьях тов. Легэ, напечатанных в социалистическом органе «Ле Полюер дю Нор», — частью в виде полемики с Кинэ, — содержится ряд данных, интересных и для нашего читателя.

Легэ ехал в Россию без заранее сложившегося мнения, с большими симпатиями к русской революции, но и с твердой решимостью «узнать всю правду». В этом своем намерении он был подкреплен инициаторами поездки, представителями «Общества Друзей СССР», которые ему заявили: «Вы едете в Россию для того, чтобы там произвести расследование. Будьте заранее убеждены, что вы там не найдете земногорая. Те, которые вас убеждали в том, что в России рай, не сказали правды. Мы просим вас ставить в России все те вопросы, которые вам покажутся нужными, даже если они, по вашему ощущению, должны будут задеть самолюбие наших русских товарищей. Если вам не ответят, настаивайте до тех пор, пока вам не дадут ответа».

Я не преминул, — пишет Легэ, — воспользоваться этим советом и благодаря этому собрал большое количество сведений.

Сведения эти относятся почти исключительно к состоянию русских копей, к охране труда на них и к положению горнорабочих, занятых на них. Вот некоторые заключения, к которым Легэ приходит.

Технические условия труда. — По наблюдениям Легэ, советская администрация очень мало заботится о безопасности рабочих и об облегчении обстановки труда. Во Франции, как и во всей Европе, копь тщательно готовится для работы путем проведения целой системы галлерей до определенной глубины. В Донбассе все делается крайне упрощенным образом, не считаясь с тем, имеется ли в данной копи газ или нет, хороша ли порода или нет, имеется ли угольная пыль или нет. Легэ видел в Горловке копь с большим выделением газа, в которой порода шла под углом в 50-70° и в которой была одна шахта глубиной в 160 метров, разделенная на 8 уступов. На уступах не было никаких заграждений для защиты от скатывающихся глыб; забойщики весь выработанный ими уголь (около 30 тонн на каждого забойщика) просто спускали вниз. Можно представить себе, — пишет Легэ, — какова атмосфера в этой шахте. И он вспоминает, что на Шнейдеровских копиях в Души он однажды, в качестве представителя рабочих, добился (при помощи запроса в парламенте) закрытия аналогичной шахты, как угрожающей здоровью и жизни рабочих. Но при этом Шнейдеровская шахта имела всего 40 метров глубины; кро-

ме того, в ней был сделан ряд преградительных насыпей, между тем как в Горловской шахте на протяжении 160 метров не было ни одной. Мало того: в этой Горловской шахте было много газа, и постоянный ток воздуха загонял этот газ в оставленные боковые галлерей, образуя там гигантские «газовые мешки», — постоянный источник ужасной опасности. Но Горловка не была исключением. Аналогичные вещи делегация наблюдала и в Макеевке, где помимо этой опасности, имелась еще добавочная опасность, — в виде 500 кг. динамита, хранившегося в шахте.

Когда делегация, по возвращении из шахты, выразила свое крайнее изумление подобного рода порядками, инженеры и директора ничем не реагировали, а один из них заявил, что «никакой опасности несчастного случая нет, что они в этом совершенно уверены».

«Я не знаю, — замечает Легэ, — является ли газ в революционной стране менее опасным, чем у нас, но я знаю, что у нас подобных вещей никогда бы не потерпели».

В Макеевке делегаты посетили также копь, в которой в шахтах непрерывно лилась сверху вода, «как дождь во время грозы». Немыслимо постоять там минуту, чтобы не промокнуть до костей. Нагрузчик (который, кстати, оказался женщиной) стоит в таком месте, что на его голову и спину низвергается беспрерывный поток воды. И так он должен стоять все семь часов своей работы. Делегаты передавали, что это состояние длится уже с 1935 года. В той же копи делегаты посетили другую шахту в 40 метров глубины с большим количеством газа с внезапным выделением. Уголь оттуда поднимается при помощи движущейся ленты, но в этой шахте французы не нашли никаких приспособлений для вентиляции. На их изумленные распросы им ответили, что аппараты имеются на самом дне, но что они просто приостановлены временно в виду отсутствия рабочих. Чтобы проверить это заявление делегаты не поленились еще раз спуститься в шахты. Но, несмотря на самые тщательные поиски, они не смогли открыть никаких следов вентиляционной проводки. Мало того, по целому ряду технических признаков делегаты установили, что там вообще никакой проводки и не могло быть.

Что же делает техническая инспекция? и каким образом она проводится?

Инспекция безопасности производится помимо инженеров, назначенных Наркоматом, целыми **тремя** инстанциями: 1) председателем районного профсоюза горнорабочих, который два раза в неделю обязан спускаться в копи и осматривать по нескольку рудников. В тот день, когда французы с ним беседовали, председатель имел посетить семнадцать шахт; 2) техническим инспектором — инженером, обязанным спускаться в копи каждый день. В тот день, когда французы с ним беседовали, ему предстояло посетить тоже 17 шахт; 3) шахтенным делегатом. Это — рабочий или техник, работающий наравне со всеми другими рабочими, но по окончании рабочего дня он должен принимать жалобы рабочих.

Ни один из указанных инспекторов не составляет письменных докладов о результатах своей инспекции, а лишь дает устные отчеты на собраниях рабочих.

Особенно поразила французских гостей избирательная процедура, установленная для выбора этих шахтенных делегатов — инспекторов. Назначается (как французы потом поняли, ВКП) специальная комиссия, уполномоченная подбирать кандидатов. Когда комиссия подходящих кандидатов наметила, она составляет списки, которые доводятся до сведения рабочих на каждой шахте. Через 2 недели примерно устраиваются рабочие собрания, причем рабочие собираются группами по 30-40 человек. Во главе каждой группы стоит счетчик. После этого списки, выработанные комиссией, подвергаются в каждой группе голосованию, причем рабочие голосуют открыто, путем поднятия рук. «Я предоставляю самим читателям судить, насколько честными и надежными являются подобного рода выборы», — прибавляет Легэ. В чем он, однако, сам успел убедиться, так это фактическое бессилие избранных делегатов в деле охраны безопасности рабочих на рудниках (примеры тому были приведены выше).

Рабочий день горнорабочих. — По наблюдениям Легэ, лишь небольшой процент горнорабочих (примерно 15-18% — забойщики и т. п.) работают 6 часов; весь остальной персонал, занятый на шахтах — и мужчины и женщины — работают реально **семь часов**. При этом рабочий день не разбивается никакими перерывами или передышками. Там нет даже короткого перерыва на завтрак, — что особенно поразило французоз. Работа продолжается круглый год, от 1-го января до 31-го декабря без воскресений и праздников, т. е. без **коллективных** дней отдыха, за исключением первого мая и годовщины революции. Каждый 6-ой день является выходным, но не для всех рабочих, а только для отдельных групп; таким образом члены одной семьи имеют разные выходные дни. Для того, чтобы сравнить фактическое рабочее время советских шахтеров с французскими, Легэ произвел следующий подсчет: русские шахтеры работают в течение года 2.023 часа (отсчитав 15-дневный отпуск, из которых 12 дней рабочих), между тем во Франции горняки работают в течение года 1.819 часов. Другими словами, французский горнорабочий работает на 204 часа, т. е. на 29 дней в год меньше, чем советский.

Заработная плата. — Французоз очень поразило большое число категорий заработной платы и огромная разница в оплате труда различных категорий горнорабочих. На рудниках в Горловке заработная плата колеблется от 3 р. 70 до 10 р. 50 в день. Как им объяснили, суть в том, что на каждом предприятии на основании колдоговора устанавливается определенный фонд заработной платы на весь год; отсюда снимается прежде всего очень большие жалования, доходящие до 2.000 р. в месяц и больше, а остаток распределяется между всеми остальными рабочими, из которых многие получают 150, 120 и даже 80 р. в месяц. Женщины, работающие под землей, получают 5-7 рублей в день. Забойщики, крепильщики и т. д. зарабатывают от 19 до 16 р., погонщики лошадей — 10 р. 76 к. в день; **средняя** заработная плата в Макеевке для рабочих, работающих под землей, была 12 р. 39 к. Но эта средняя цифра имеет только теоретический интерес в виду очень больших колебаний между различными категориями.

Но французские делегаты не удовлетворились только одними цифрами **номинальной** заработной платы, они заинтересовались узнать и цены на продукты, чтобы получить представление о **реальном** значении заработка. И тогда они с ужасом узнали, что мужские полуботинки стоят 290 рублей, женские ботинки — 280 руб., пальто — 350-500 руб., костюм для мальчика — 260 руб., простое женское платье — 294 р., масло — 16 руб. килограмм, мясо от 6-9 руб. за кило, хлеб 1 р. 20 к. кг. и картофель 40 к. килограмм. Они посетили рабочего-горняка во время обеда и убедились, что рабочий и его жена «пообедали» пустым супом из ботвиньи и картофеля, без всякого другого блюда. Директору горловского рудника французские делегаты поставили в упор вопрос, не является ли обязанностью режима, называющего себя социалистическим, обеспечить рабочим прожиточный минимум и хлеб равный для всех. На это директор-коммунист ответил, что было бы именно несправедливо стремиться обеспечить всех в одинаковой мере питанием; неравенство в этой области необходимо, чтобы стимулировать рвение к труду, чтобы заставить рабочих больше производить и совершенствоваться.

«Можно себе представить, — пишет Легэ, — как мы были изумлены, услышав из уст директора-коммуниста столь бесжалостные речи, язык, который ничем не отличается от разговоров наших хозяев-капиталистов».

Жилища горнорабочих. — Нам во Франции очень часто рассказывали, — пишет Легэ, — что для русских рабочих выстроены красивые дома. Другие прибавляли, что рабочие занимают сейчас дворцы прежних буржуа. Как глупо и отвратительно врать таким образом!

Нет сомнения, что кое-что в этом отношении сделано, и что построено много домов для рабочих. Но в тех районах, которые мы осматривали, дома эти маленькие, одноэтажные, состоящие обычно из 3-х (редко 4-х) комнат. Но такой домик занимает не одна семья, а в **каждой** комнате живет по целой семье; часто в такой комнате живут две семьи, в общей сложности 8-9 человек в одной комнате без всякой мебели; на всех вместе приходится 2 или самое большое 3 койки шириной в 80 сантим. Однажды мы в одной такой комнате застали семью из 9-ти человек, причем в комнате были только 2 койки и больше ничего, не было даже стула, и комната была совершенно голая. Во всех домах, которые мы посетили, на все 4 или 5 семейств приходилась только **одна** кухонная печь (плита), причем в самой кухне тоже жила целая семья.

Но в этих новых домиках живут уже счастливы; остальные рабочие до сих пор ютятся в казармах и лачугах цар-

ского времени. Описывая жилищные условия горнорабочих, Легэ горько жутит тех «туристов», которые с таким красноречием расписывали французским рабочим «роскошную жизнь» русских рабочих. И он прибавляет: «Правда, Россия проделала революцию... Но ведь не надо забывать, что с тех пор прошло все же почти 20 лет».

Еще два чисто русских явления поразили внимание французских горнорабочих — это широкое применение женского труда в горном деле и вообще на тяжелых физических работах; с другой стороны — наличие вооруженной охраны на рудниках и на всех фабриках.

Широкое применение женского труда русские коммунисты пытались объяснить и оправдать фактом женского равноправия. Легэ на это возражает, что политическое и социальное равноправие женщин не уничтожает факта их физической неравносильности, и поэтому отказывается понимать, почему женщин нужно употреблять на рудниках в качестве грузчиц, погонщиц, крепильщиц, на дорожных постройках и на т. п., для женщины чрезвычайно затруднительных и даже опасных работах. Это его снова приводит к убеждению, что в России слишком много внимания уделяют производству, и слишком мало — охране труда рабочих, защите их здоровья и безопасности.

Что касается вооруженной охраны заводов, то это навело Легэ на еще более грустные размышления.

В первый же вечер прибытия французских делегатов в Горловку они заметили вооруженного стража в том ресторане, в котором они обедали. Кого охранял этот страж? — спрашивают себя французы. — Неужели нас, иностранцев, от возможного нападения? Но на следующий день, спускаясь в копи, французы заметили у ворот на том месте, где во Франции стоит привратник, человека с ружьем, который внимательно осматривал всех входящих. Мало того, во дворе, у входа в контору, они заметили уже целую группу вооруженных людей. То же самое дальше; в самых различных местах копей прогуливались вооруженные люди с винтовкой за плечами. Но и в самой глубине копи французы заметили двух людей с винтовками, которые прятались в темном углу, — повидимому, чтобы не быть замеченными иностранными гостями.

Французы попросили у дирекции разъяснения. Ответ был такой: «У нас все копи и фабрики охраняются вооруженными людьми». Никакого более вразумительного ответа добиться не удалось.

Ту же картину они наблюдали во всей России, куда бы они ни появлялись. Некоторые друзья им объяснили, что это делается для того, чтобы предотвратить контр-революционные покушения. Но в таком случае, кого охраняли те вооруженные парни, которые прятались в углу, в глубине копи? Ведь в копи, кроме рабочих, никого не было? Значит-ли это, что советское правительство не доверяет и рабочим? Но ведь нам же все время твердили, что рабочие в Советской России счастливы и горды тем, что являются собственниками всех орудий производства?!

Все это приводит Легэ к следующим выводам, которые он формулировал в своей статье от 5-го декабря 1936 года.

Я несколько не хочу утверждать, что революция ничего не принесла русским рабочим, наоборот. Но я должен констатировать, что наши русские товарищи еще очень, очень далеки от того идиллического состояния, которое нам так часто описывали, и что нам до сих пор не говорили правды о их действительных условиях работы, о их жизни, о безопасности их труда и о свободах, которыми они якобы пользуются.

Общее мое мнение таково: «наши русские товари-

ши идут к построению социализма, но социализма особого, «социализма на русский лад». Для того, чтобы достигнуть этого, их заставляют делать или они сами себя заставляют делать (это можно понимать как угодно) вещи, которых мы, французы, никогда бы не приняли, но которые в России кажутся необходимыми и единственно ведущими к лучшему будущему».

Русский пролетариат, — я могу сказать, вся страна, — считает себя наиболее передовым в мире во всех смыслах; они уверены, что их страна единственная, где имеется настоящее счастье, несмотря на все трудности и беды...

Мне не раз приходилось говорить им, что мы, со своей стороны, не понимаем построения социализма в том смысле, как в России, и что наши рабочие поставлены много выше русских во всем, что касается условий жизни, труда и культурного уровня. Но они ни за что не хотели этому верить, ибо официальная пресса, единственно там разрешенная, им в течение 20 лет твердит, что советские граждане, сделавшие революцию, самые счастливые люди в мире, самые сознательные, самые эмансипированные, которые должны указывать путь рабочим всех других стран.

«Но сколько бы они ни отрицали, — я должен формулировать мое скромное пожелание, которое состоит в следующем: чтобы никогда наш рабочий класс не познал того низкого жизненного уровня, на котором сейчас живут русские рабочие массы».

Излишне прибавлять, что тов. Легэ за свои выступления подвергся усиленной травле со стороны французских коммунистов. Ведется усиленная кампания за «снятие его с поста» секретаря Союза. Однако Легэ не дал себя запугать и заявляет, что искать и говорить правду является для всякого честного социалиста политическим и моральным долгом, от которого никто не имеет права уклониться.

ПО РОССИИ

Москва, 25 февраля.

«...Внезапная смерть Орджоникидзе вызывает здесь массу слухов. Эти слухи настолько упорны, что власти вынуждены с ними косвенно полемизировать в официальных сообщениях. Прочтите внимательно «правительственное сообщение» от 19-го и все другие официальные заявления и сообщения от 20-го, 21-го и т. д., и вы сами обратите внимание на то, как усиленно повсюду подчеркивается, что покойный умер на своей квартире, что у него давно уже были угрожающие жизни сердечные припадки и т. п. — Дело в том, что не пошатнулось. Особенно острые нападки направлялись после процесса положение Кагановича и Орджоникидзе против последнего в связи с готовящимся кавказским процессом. Там, оказывается, арестованы почти все старые большевик-грузины: Буду Мдивани, Серго Кавтарадзе, Торошелидзе, Окуджава и целый ряд других. Пошажены пока только Филлип Махарадзе. Но Мдивани революционный «крестный отец» Орджоникидзе. Другие арестованные — его родственники (двоюродный брат), старые друзья и приятели. Так вот Орджоникидзе попал в тяжелое положение. Иметь среди подлежащих суду и расстрелу «троцкистов» столько интимных друзей и родных члену Политбюро не полагается. С другой стороны, Орджоникидзе не мог повидимому безропотно примириться с кровавой расправой над своими друзьями. Так или иначе, — как передают из верного источника, — он не то умер на самом заседании Политбюро, которое произошло 18-го февраля, в день его смерти, не то упал на нем в обморок, который оказался смертельным. Во всяком случае факт, который каждый москвич может подтвердить, что умер Орджоникидзе, согласно официальному сообщению, 18-го в 5 ч. 30 м. дня, а сообщено о его смерти было только через газеты, 19-го утром. А ведь в Москве есть радио, и в нем часто сообщают о гораздо менее интересных и важ-

ных событиях, чем скоростная смерть Наркома, члена Политбюро, второго или третьего человека в государстве после Сталина! Значит, для чего то надо было выиграть полдня. Для чего? Но об этом и о других интересных вопросах — в связи с процессом или вернее процессами — в следующем письме»...

От редакции. — Это обещанное второе письмо получилось в момент, когда номер был уже сверстан. Оно пойдет в следующем номере «Соц. Вестника».

ИЗДАНИЯ, ПОСТУПИВШИЕ В РЕДАКЦИЮ.

- Бюллетень Экономического Кабинета проф. С. Н. Прокоповича. № 133.
 Пробуждение, № 78-79. Январь-февраль 1937 г.
Nachrichten des Auslandsbüros «Neu Beginnen», Dezember-Jänner 1937.
RS-Briefe. Arbeitskreis Revolutionärer Sozialisten, Gruppe der deutschen Sozialdemokratie. Februar 1937.
J.P.J. Internationale Pädagogische Information. Dezember 1936.
Bulletin of the International Institute for Social History. Amsterdam, 1937, Nr. 1.
Que faire? Revue communiste. N° 27, Mars 1937.
La Révolution prolétarienne, N° 241.
Informations de Palestine. Bulletin bimensuel. 1 mars 1937, N° 25. Genève.
Bulletin du Bureau de Presse Ukrainien. Publication mensuelle. Paris, le 28 février 1937. N° 19 (160).
Nouvelles d'URSS. Bulletin d'information. Supplément de la Revue communiste «Que faire?». N° 11, mars 1937.
 Pourquoi ils ont «avoué».
Der Kampf, Nr. 3, März 1937.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК.

Получено: 25/2, 6/3.

Отослано: № № 5, 6 и 7.

Новые издания :

- А. Н. Потресов. Посмертный сборник произведений. Вступительная статья Б. Николаевского: А. Н. Потресов. Опыт литературно-политической биографии. Париж, 1937.
Idée et Action N° 7. Revue mensuelle du mouvement socialiste et syndical international. Prix 2fr. 50. Paris.

В ПАРИЖЕ Отдельные №№ «Соц. Вестника» можно получить в следующих киосках Г А Ш Е Т Т

- 1) LIBRAIRIE 2, rue de Sèze.
- 2) 12, bd des Capucines.
- 3) 28, bd des Capucines.
- 4) 4, bd de la Madeleine.
- 5) 41, bd des Capucines.
- 6) 11, bd des Capucines.
- 7) 56, av. des Champs-Élysées.
- 8) 150, av. des Champs-Élysées.
- 9) Pl. de l'Etoile (côté Friedland).
- 10) Pl. de l'Etoile (côté Wagram).
- 11) 2, bd des Italiens.
- 12) 36, bd des Italiens.
- 13) 2, bd des Capucines.
- 14) 2, bd Montmartre.
- 15) 20, bd Montmartre.
- 16) 8, bd Bonne-Nouvelle.
- 17) 15, pl. de la République.
- 18) 3, pl. Saint-Michel.
- 19) 7, bd Saint-Michel.
- 20) 47, bd Saint-Michel.
- 21) 63, bd Saint-Michel.
- 22) BOURRELIER, 101, bd Montparnasse.
- 23) HACHETTE, av. des Champs-Élysées.
- 24) Pl. Pigalle.
- 25) 1, av. Victor-Hugo.

Кроме того отдельные №№ продаются в конторе журнала от 10 до 12 ч.) и в крупн. русск. книжн. магазинах Парижа.